

Было Рождество, и Санта-Клаус подарил ему игрушечную пожарную машину. Дадли хотел поиграть с ней, но не хотел делиться. Дадли не захотел замолчать и ударил пожарной машиной своего толстого кузена. Дадли упал и перестал его доставать. Тетя закричала, а дядя отобрал пожарную машину и посадил его в свою комнату на время.

Он только что закончил казнить своих плюшевых медведей за то, что они подняли против него игрушечный бунт, как в комнату вошел странный старик в платье и с дядей на руках. Мужчина посмотрел на мишек и был разочарован. Он не мог понять, почему. Ему казалось, что он хорошо справился с подавлением восстания. Он заколол главаря, четвертовал второго командира, перерезал живот лейтенанту, а затем обезглавил его. Набивка, вытекающая из раны на животе, была, по его мнению, приятным штрихом.

"Мне грустно соглашаться с вами, Вернон, но вы правы. Мальчик не в себе". Странный старик вытащил палку из своего платья. "Я посмотрю, нельзя ли сделать его более нормальным. Обливизэйт". Из палки мужчины вырвался свет.

Это первый день в школе, а он не хочет идти. Он пытается кричать, бить ногами, но тетю это не переубеждает. Его двоюродный брат уже в автобусе, и тетя пытается уговорить его пойти вместе с Дадли.

Тетя не хочет его слушать, и тогда он хватает карандаш, лежащий рядом с телефоном, и изо всех сил ударяет его. Карандаш вонзается ей в бедро, и она вскрикивает. Он забывает, что делает, и просто смотрит, как красная кровь наливается кровью и пропитывает ее юбку, а маленькие речки стекают по ноге и скапливаются в туфле.

Вскоре появляется странный старик в платье со своим дядей. Мужчина направил на него палку, и тот почему-то не смог больше пошевелиться.

"То, что ты сделал в прошлый раз, не сработало. Ты должен сделать что-то другое, иначе мы просто не сможем с ним справиться". Его дядя умолял старика в платье.

Тетя хныкала в соседней комнате, а незнакомая женщина, которую он не заметил, как вошла, лила воду на тетину рану. Может быть, это была не вода, а пар, который поднимался, когда он касался ее кожи. Затем женщина заставила тетю пить разноцветные соки.

"Боюсь, что единственным выходом остается попытка кардинально изменить его сознание". сказал странный человек, печально глядя на него. "Ни одно заклинание не обладает достаточной силой, чтобы сделать это навсегда, по крайней мере, самостоятельно. Я сделаю все, что смогу, но, думаю, здесь придется кое-что изменить".

"Что ты имеешь в виду?" спросил его дядя.

"Если бы был какой-то другой способ, я бы попробовал, но все, что я могу придумать, - это попытаться сделать его кротким и покорным". Держась за голову, как от боли, старик

объяснил. "Я могу сделать его разум более открытым для изменений, но все остальное придется делать вам. К сожалению, вам придется издеваться над ним. Дисциплинировать его до крайности, словесно оскорблять и вообще относиться к нему как к обузе. Если ты сможешь сломить его дух к тому времени, как он поступит в Хогвартс, то я смогу снова сделать его лучшим человеком".

Дядя выглядел больным. "Не думаю, что я смогу это сделать. Должен быть другой способ".

"Я бы хотел, чтобы он был". Старик сказал. "С вашего позволения, я изменю вас и Петунию так, что вы сможете сделать то, что необходимо. Несмотря ни на что, необходимо, чтобы мальчик остался здесь".

"А не заставит ли это нас делать ужасные вещи с нашим милым Даддикинсом?" спросила его тетя.

Его дядя выглядел в ужасе. "Петуния! Не можешь же ты, в самом деле, пойти на это".

"Мы должны, Вернон! Только посмотри на Гарри. Он чуть не убил Дадли на прошлое Рождество! Только что он чуть не убил меня, а он улыбается. Улыбается!" Тетя безумно смеялась. Это был приятный звук. "Я знала, что мы не должны были давать этим уродам шанс".

Странная женщина заставила тетю выпить еще сока, и приятный звук прекратился. Вместо этого тетя начала говорить очень скучно. "Сделай это с Верноном, но мне это не понадобится. Такие, как ты, отняли у меня Лили. Вы, уроды, портите все, к чему прикасаетесь. Я пыталась любить его, как собственного сына, но этот маленький уродец - мерзость, и он заслуживает того, чтобы его сломали".

"Подожди минутку". В голосе дяди звучал испуг. "Ты сказал "с нашего разрешения", а я его не дам! Мы что-нибудь придумаем. Мы можем отвести его к врачу, или, может быть..."

Дядя застыл на полуслове и замер, как статуя. Старик стал еще более печальным и направил палку на дядю-статую. "Мне очень жаль, но все это ради общего блага".

Палка засветилась, и свет выстрелил в дядю. Затем старик направил палку на него. Кончик палки засветился еще одним ярким светом.

Он пожаловался, что на его шестой день рождения ничего не делают. Двоюродный брат сказал, что это потому, что он ненормальный, и толкнул его с лестницы. Падая вниз, он почувствовал острую боль в руке, когда кость затрещала. Рука была смешно согнута, и он поднял ее, чтобы лучше рассмотреть.

"Хватит уже, ты должен узнать свое место, мальчик". сказал дядя, хватая его за сломанную руку и поднимая на ноги.

Боль от перелома кости была ничто по сравнению с агонией от того, что ее вот так насильно дергали. Он закричал, и в следующее мгновение оказался в шкафу с пауком, ползущим по его лицу. Дверца была надежно заперта, а лампочка в светильнике отсутствовала.

Он поднял паука и положил его вместе с другими на стену. Он смотрел, как они ползают в свете, проникающем в шкаф из-за двери. Пауки были его единственными друзьями. Они ему нравились, а их поцелуи вызвали приятное покалывание. На какое-то время он остался со своими друзьями, потому что дядя запер его здесь.

Он поглаживал свою сломанную руку и удивлялся тому, что каждое прикосновение вызывает ощущение боли. Ему нечем было заняться, кроме как играть со своей травмой. Тишина в шкафу была такой, что он слышал, как бьется его сердце, пока не услышал, как тетя разговаривает с кем-то, кого он не узнал.

"Ты хотел, чтобы он был сломан. Ты хотел, чтобы он был таким, так что не жалуйся теперь, когда мы это делаем". сказала она незнакомцу.

"Дорогой мой, я имела в виду его волю, а не тело". Незнакомец выглядел расстроенным. "Никто не выиграет, если он станет калекой или, что еще хуже, умрет".

Его тетя фыркнула. "Я была бы рада, если бы он умер. Тогда бы нам больше не пришлось с ним мириться".

Не особенно заботясь об этом разговоре, он снова начал тыкать рукой. Сконцентрировавшись на ощущениях, разговор отошел на задний план, и он думал только о том, как прохладно ощущается сломанная кость сквозь кожу.

Он услышал, как отпирается засов, и поднял голову: дверь открылась. Он моргнул, чтобы дать глазам привыкнуть к свету, и первое, что увидел, был странный старик в платье и с палкой в руках.

"Великий Мерлин!" воскликнул старик. "Гарри, что ты делаешь, и, ради всего святого, почему ты улыбаешься?"

Он посмотрел вниз и заметил, что кость теперь пробита насквозь. Кровь капала с его руки и пачкала матрас. Его палец ковырял обнажившуюся кость.

"Видите! Видите? Может, он уже и не пытается нас убить, но он все еще безумен. Этому уроду нравится боль". сказала его тетя, находясь совсем рядом с ним.

"Я посмотрю, что можно сделать". Мужчина вздохнул, направляя на него палку. "Будь с ним осторожнее. Он мне нужен целым и невредимым. Обливиэйт".

<http://erolate.com/book/4087/113754>